Прошло десять лет после юношеских охот в Кудряшовском бору. Все эти годы я вспоминал озеро Кривое, Журавлиное болото, плавание на облаках с друзьями по системе озёр до реки Чаус, которая протекает около Колывани. Вернулся в Новосибирск в 1958 году после завершения службы на флоте. Первым делом в очередную пятницу поспешил в клуб охотников ДСО «Спартак». В клубе, как всегда, было людно. Меня радостно приветствовали друзья детства, степенно здоровались пожилые охотники.

Кондратий Никифорович Урманов сидел у маленького столика, окружённый подростками, и раскладывал на листе ватмана с красочным заголовком «Молодой охотник» машинописные заметки. Меня, как магнитом, потянуло к газете, ведь я когда-то был её редактором. Урманов поднял глаза. На его лице расплылась приятная улыбка, в глазах засиял огонёк. Протягивая мне руку, произнёс:

– Извини, что не поднимаюсь со стула, ноги стали шалить.

Затем, обращаясь к ребятам, сказал:

– Заметки можете приклеивать, заголовки сделайте легонько простым карандашом, их напишет краской Карчевский.

Кондратий Никифорович поднялся со стула, опираясь на столик. Мы отошли в сторону, уселись на свободные стулья и долго вели задушевный разговор. Его интересовала моя служба на флоте, меня – охотничьи угодья, в которых нам вместе довелось бывать.

– После строительства плотины на Оби и бетонной дороги в Колывань охотничьи угодья изменились до неузнаваемости, – сказал Урманов, – надо тебе осваивать Обское водохранилище. Там прекрасная рыбалка, меня вот стали подводить ноги.

Кондратий Никифорович внешне изменился. Немного пополнел, но выглядел крепким и сильным. Волосы на голове поредели и полностью поседели. Стали беспокоить ноги и сердце. Он по-прежнему был влюблён в природу. Не потерял интерес к жизни, к обитателям водоёмов и лесов. Его, как и в молодые годы, тянуло из города на сибирские просторы родной природы. С восторгом говорил об Обском водохранилище, о его обитателях, о новых породах рыб, завезённых из европейской зоны страны и запущенных в водохранилище.

Через неделю я заехал за ним на «Москвиче» к дому по улице Челюскинцев. Он уже ждал меня у подъезда с рюкзаком, палаткой в чехле у ног и спиннингом в руке.

Выехав из города, проехав село Верх-Тула, мы покатили по пыльной грунтовой дороге в сторону села Боровое. Стояло жаркое засушливое лето, за машиной, как дымовая завеса, тянулся длинный шлейф пыли. Я первый год водил машину. Кондратий Никифорович это понял ещё в городе по моим неуверенным действиям и не отвлекал меня разговорами.

За Боровым свернули на лесную дорогу, которая привела нас к Обскому водохранилищу. На крутом берегу среди высоких сосен стояло два дома, навес с летней кухней, у причала десяток шлюпок-шпонок. Это была охотничье-рыболовная база ДСО «Спартак».

Нас встретил заведующий базой. Принимая охотничьи билеты для регистрации, он обратился к Урманову с предложением:

– На базе есть свободная двухместная комната, я могу Вас в неё поселить.

– Что Вы, что Вы! Разве я ехал сюда, чтобы спать в душном помещении, – удивлённо отреагировал Кондратий Никифорович, – мы поставим палатки на острове и будем наслаждаться жизнью на природе.

Погрузив вещи в лодку, я сел за вёсла, Урманов – на беседку в корме. Чтобы показать ему, что бывший моряк умеет грести, я отваливался всем корпусом и разгонял лодку. Вместо похвалы услышал слова:

– Не надо торопиться. Посмотри, какая вокруг красота.

За кормой лодки на высоком берегу зелёной стеной стояли сосны. Под ними, как в сказке, приютились домики базы. Творения людей казались ничтожными по сравнению с могучим бором. Лёгкий ветерок рябил поверхность воды. Она блестела в лучах солнца, как рыбья чешуя. Над морем летали чайки, высматривая добычу.

– Только ради такой красоты стоит выезжать из города, – тихо произнёс Кондратий Никифорович.

Я с ним был согласен, но промолчал, чтобы не выводить его из задумчивости. Может, в этот момент он обдумывал очередной рассказ.

Остров против базы протянулся на несколько километров. Мы вошли в широкий залив, на берегу которого решили разбить лагерь.

Палатку Урманов ставил, туго натягивая шнуры, чтобы на крыше не было ни одной морщинки. Во время дождя на складках крыша палатки обычно протекает. Дождя не предвиделось, но он привык всё делать обстоятельно.

Вот, наконец, мы сидим в лодке недалеко от берега и рыбачим. Я непрерывно дёргаю подергушкой в надежде поймать окуня. Кондратий Никифорович бросает спиннингом блесну в разные стороны от лодки. Перед ним в коробочке лежат

разные блёсны собственной конструкции. Он периодически меняет их на спиннинге, но результата нет.

Солнце нещадно палило, хищная рыба не хочет хватать наши металлические блёсны. Ей, видимо, достаточно в воде живого корма. Я разделся до пояса и подставил белую спину солнечным лучам.

В тот день мы с трудом добыли окуней на уху. Вечером, сидя у костра, после вкусной ухи пили чай, заваренный корнем шиповника. Он имел красный цвет и несравнимый ни с какой заваркой вкус.

Тихий вечер опустился на остров, заход солнца сопровождался пением птиц. Блаженство и умиротворение охватили мою душу. Внезапно вечернюю тишину нарушил неприятный крик коростеля. От внезапности я даже вздрогнул, а он как соловей-разбойник продолжал издавать свои звуки.

– Пойдём спать, – предложил Кондратий Никифорович, – утром рано вставать.

Утренняя заря на Обском море имеет свои прелести. Когда сидишь на лодке далеко от берега, никакие звуки не нарушают покой, гнус не отвлекает от наблюдения за востоком. Рука машинально дёргает подергушкой, взгляд не отрывается от горизонта, который постепенно окрашивается в разные цвета. Сначала на горизонте появляется тёмно-серая полоса. Она постепенно светлеет, затем окрашивается в розово-голубой цвет и вдруг загорается ярким заревом. Только после этого из-за горизонта выглянет тоненькая дуга светила. Солнце, словно присматривается, – можно ли ему выкатиться на небосвод. С восходом все необычные краски на горизонте исчезают, и начинается день.

Наше внимание привлекли чайки. Они кружились в конце острова над затопленным коряжником и постоянно падали к воде за добычей. На их крики спешили другие со всех сторон.

– Скорее вынимай якорь! – подал мне команду Урманов, – плывём к чайкам.

Он знал, что где вьются чайки, там есть рыба. Ему были известны многие тайны природы и её мудрые законы. Чайки падали к воде, хватали рыбок, поднимались вверх и, проглотив рыбёшку, бросались в новую атаку.

Я удивился прожорливостью чаек. На что Урманов ответил:

– Не менее прожорливы те хищники, которые охотятся за чебаками в воде, заставляя их выпрыгивать из воды. Сейчас мы проверим, кто они такие.

Он приготовил спиннинг и забросил блесну в сторону чаек. У меня спиннинга не было, пришлось опустить в воду блесну подергушки и начать дёргать. После нескольких рывков моя блесна зацепилась за корягу. В это время Кондратий Никифорович сделал резкий рывок бамбуковым удилищем спиннинга, которое согнулось к воде. Леска, разрезая воду, пошла в сторону, катушка издавала треск, уменьшая скорость разматывания лески.

Любопытство заставило меня прекратить попытки отцепить блесну. Рыба металась из стороны в сторону, уходила на глубину, поднималась к поверхности, пытаясь избавиться от блесны. Она отчаянно боролась за свою свободу. Шло соревнование между хищником и рыбаком. Когда рыба выбилась из сил, Урманов осторожно подвёл её к борту лодки. Это была крупная щука. Подсака у нас не было, он перегнулся через борт, быстрым движением руки схватил щуку под жабры и выбросил на дно лодки. Она билась хвостом о деревянные решётки, уложенные на днище, не желая смириться со своей участью.

– Поздравляю тебя с первым уловом, – произнёс он, глядя на меня.

– Это вас поздравляю, моего здесь участия не было.

– Как это не было? Без тебя мне бы сюда не доплыть. Кстати, у тебя дорожка с собой?

– С собой.

– Забрасывай блесну подальше от лодки и подтягивай к себе рывками, чтобы не опустилась ко дну.

Я моментально воспользовался его советом.

Видя, что мне не удаётся дальше пяти метров забросить лёгкую блесну «Байкал», он достал из своего арсенала тяжёлую самодельную блесну и протянул мне. Привязав блесну, я раскрутил леску и забросил её на приличное расстояние. Подтягивая блесну к лодке, укладывал вытянутую леску к ногам. Неожиданно щука вырвала снасть из моих рук и леска быстро стала вытягиваться из лодки. Когда поймал рукой леску, почувствовал сильный рывок. Подводил щуку к лодке с тревожно-радостным чувством. «Только бы не сорвалась, – при каждом рывке мелькала мысль, – какова она, первая пойманная щука на такую снасть?»

Постепенно чайки начали разлетаться, солнце повернуло на полдень и стало припекать, клёв прекратился. В лодке лежало с десяток щук весом больше килограмма каждая. Среди них своим размером выделялась щука, пойманная первой.

– Поплыли на базу, – предложил Урманов, – положим рыбу в ледник и вернёмся в свой лагерь, а вечером по холодку отправимся домой.

Солнце клонилось к закату, мы уложили вещи в машину, и я посмотрел в сторону моря прощальным взглядом. «До свидания, море Обское, – подумал я, – надеюсь, что эта первая встреча с тобой – не последняя». Каждый раз, когда уезжаю в город, мне жаль расставаться с рекой, озером или лесом и становится немного грустно.